

ЭХО СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: РАЗБОЙНИЧЕСТВО В БЕЖЕЦКОМ УЕЗДЕ (1702 год)

О. Г. Усенко*

Разбойничество – универсальное явление, свойственное всем эпохам и народам. Не смогла обойтись без него и российская история.

Уже Владимир Святой в конце X в., согласно «Повести временных лет», был серьёзно озабочен проблемой борьбы с разбойниками¹. Но искоренить их не удалось ни ему, ни последующим правителям нашей страны. Разбойничество стало одной из традиционных форм социального протеста, вполне обычной реакцией на усиление гнёта – государственного, феодального, а затем и капиталистического².

Усиление гнёта очень часто было обусловлено тем, что Россия ввязывалась в очередную войну. И тогда боевые действия на границах страны или за её пределами сопровождались аналогичными действиями внутри неё – в ответ на активизацию разбойников правительство посылало против них войска.

Северная война, начатая Петром I против Швеции в 1700 г., практически сразу спровоцировала всплеск разбойничества. Одним из регионов, которые первыми попали под эту «волну», было Верхневолжье.

В конце мая 1702 г. в Москву ушла челобитная, которую подписали 26 помещиков и вотчинников трёх северных уездов Европейской России. Землевладельцы жаловались царю: «В нынешнем 1702 году объявились многие воры и разбойники... русские люди и кореленя в Новгородском, в Бежецком, в Устюжском-Железопольском уездах, где те уезды сошлись поблиску...» При этом челобитчики уточняли: «... А с теми ж ... местами ... сошлись поблиску Ярославской, Белозерской, Пошехонской, Тверской, Новоторжской уезды...»³

Предводителем шайки являлся Степан Алексеев сын Кропоткин по прозвищу Чекмарь или Клопёнок⁴. Происхождение его неизвестно, однако весьма возможно, что он был уроженцем одного из перечисленных выше уездов. Дело в том, что его зять – Варлам Тимофеев, тоже разбойник, – был бобылём деревни Лазорково Бежецкого уезда, принадлежавшей Петру Козловскому⁵. В шайку входил и брат

* Усенко Олег Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета.

¹ См.: Полное собрание русских летописей. – М., 1997. – Т. 1. – Стб. 126–127.

² См.: Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. – СПб., 1868. – Т. 1–2; «Российский Картуш» // Памятники новой русской истории. – СПб., 1873. – Т. 3. – Отд. 2. – С. 288–301; Клеянкин А. В. «Разинские работники» на Волге // Вопросы истории. – 1969. – № 4; Мавродин В. В. Рождение новой России. – Л., 1988. – С. 224–236.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 2, 3 об. – 5.

⁴ Там же. – Л. 1, 8 об., 23.

⁵ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 32.

С. Кропоткина – Андрей Крохарь⁶.

Время формирования шайки относится, очевидно, к марту – апрелю 1702 г., поскольку

свои «боевые действия» она начала в конце апреля этого года⁷. В начале мая 1702 г. численность разбойничьей «партии» составляла 90–100 чел.⁸

В соответствии с давней традицией ватага С. Кропоткина «строилась» по аналогии с казацкими отрядами. Разбойники предпочитали называть свою организацию «станцией», а предводителя – «атаманом»⁹. Кроме того, у предводителя были официальные помощники – «есаулы». Были у разбойников и свои знамёна («значки тафтяные кумашные»¹⁰). Что касается вооружения «воровских людей», то источники упоминают ружья, пищали, копья, рогатины, пистолеты и бердыши¹¹.

Местом зарождения и основным районом базирования шайки была северная часть Бежецкого уезда (чуть южнее Весьегонска).

Инициаторами создания разбойничьей «станции» упомянутые выше землевладельцы-челобитчики называют беглых крестьян из окрестных уездов: «А объявились те воровские люди в те.. места и пришли от дворцовых корелских Ярославского уезду, от Заморовские Новгородского уезду от селческие волостей с присёлки...»¹²

Тем не менее можно полагать, что ядро «партии» составили крестьяне Бежецкого уезда – русские и карелы. Из восьми разбойников, схваченных летом 1702 г., происхождение двух не указано, один (Андрей Фёдоров) был выходцем из крестьян Белозерского уезда, а пятеро оказались бежецкими крестьянами. Из этих пяти трое были русскими и жили на частновладельческих землях (Григорий Фёдоров – из села Пруды, принадлежавшего А. Н. Тютчеву; Фёдор Радёнок – из деревни Волково, которой владел А. Яхонтов; Варлам Тимофеев – из деревни Лазорково, принадлежавшей П. Козловскому), а двое – карелами, жившими в дворцовой Пятницкой волости (Марк Константинов – из деревни Быково; Анашка Павлов – из деревни Андрейцово)¹³.

Впрочем, вполне возможно, что в шайке С. Кропоткина были и беглые солдаты. Дело в том, что некоторые разбойники носили «сумы солдацкие»¹⁴.

Своеобразие внутренней жизни разбойничьей «партии» заключалось в том, что за пределами крестьянских поселений разбойники не имели постоянного лагеря (например, где-нибудь в лесу). Шайка переходила из деревни в деревню, причём некоторые поселения Бежецкого уезда стали для неё излюбленными местами отдыха и сбора – «станами».

Главным «станом» была, вероятно, деревня Иван-гора дворцовой Кесемской волости. Есть основания полагать, что разбойничьи «станы» располагались и в

⁶ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 24 об.

⁷ Там же. – Л. 2.

⁸ Там же. – Л. 1, 6 об., 8 об.

⁹ Там же. – Л. 23 об., 24 об.

¹⁰ Тафта – гладкая тонкая шёлковая ткань из кручёных нитей; кумач (кумачи) – бумажная ткань преимущественно красного цвета (Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. – Ташкент, 1983. – С. 165–166).

¹¹ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 1–2, 39 об. – 40.

¹² Там же. – Л. 2.

¹³ Там же. – Л. 23 об. – 24 об., 32.

¹⁴ Там же. – Л. 1.

дворцовой Пятницкой волости, где преобладало карельское население: имеются в виду село Мякишево и деревня Чернятино¹⁵.

Ввиду этого, а также потому, что большинство «лихих людей» были местными уроженцами и часто отлучались к своим родственникам, у разбойников были доверенные лица – «становщики» («станодержатели»), которые обеспечивали им ночлег и пищу, а также

прятали у себя награбленное.

Нам известны имена четырёх «становщиков»: двое были русскими помещичьими крестьянами (Фёдор Фёдоров – из деревни Васюткино, принадлежавшей стольнику Л. М. Глебову; Константин Кириллов – из деревни Ледково, принадлежавшей Я. В. Фёдорову) и двое – карелами, жившими на дворцовых землях (Василий Пантелеев сын Перфильев – из деревни Благовещенье Сандовской волости; Фёдор Семёнов – из деревни Тимошкино Пятницкой волости)¹⁶.

Кроме того, к числу «станодержателей» можно отнести и родственников членов шайки, и просто их приятелей – тех, кто укрывал отдельных разбойников после разгрома их шайки. В этом случае среди помощников «лихих людей» оказываются жители-карелы трёх деревень Пятницкой волости – Ильинской (крестьянин Игнатий), Терпигорево (крестьянин Лукьян) и Быково (отец разбойника М. Константинова), а также обитатели – видимо, русские – принадлежавшей М. Рыкачёву деревни Берези (Семён Домрёнок и его братья)¹⁷.

Понять, почему некоторые бежецкие крестьяне пошли «в разбой» или стали помогать «воровским людям», может помочь перечень чрезвычайных (дополнительных) налогов и повинностей, возложенных на крестьянские плечи. С учётом «доимки» (неуплаченных податей) за 1701 г. бежецкий воевода в 1702 г. с каждого двора был обязан собрать по 2,25 руб., полторы осьмины (157,5 л) ржаного хлеба, пол-осьмины (52,5 л) овса и 20 пудов сена. Кроме того, к 9 мая каждые 10 дворов должны были выслать по одной подводе в село Валдай Новгородского уезда¹⁸.

Таким образом, активизацию разбойничества в Бежецком уезде можно увязать с началом Северной войны, которая привела к резкому усилению фискального гнёта. Однако, хоть это касалось и всех крестьян, далеко не все из них стали «воровать». В разбойники уходили, по всей видимости, те, кто отличался низким уровнем нравственности и в то же время активным и решительным характером.

Не исключено, что решение уйти «в разбой» могло быть принято человеком и под влиянием проблем бытового плана – к примеру, извечного конфликта отцов и детей. На такую мысль наталкивает поведение уже известного нам Ф. Радёнка, который, покинув родную деревню, «приходил по многое время в ту деревню Волково ко отцу своему с разбоем со многими товарищи и поимать себя не дал»¹⁹.

Стало быть, не нужно, усматривая в разбойничестве форму социального протеста, наделять его романтическим ореолом. Ушедшие «в разбой» своё недовольство обращали не только на представителей государственного аппарата и феодалов, но также на приходское духовенство и крестьян – частновладельческих,

¹⁵ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 6 об., 23 об., 24 об.

¹⁶ Там же. – Л. 23, 32, 39, 40.

¹⁷ Там же. – Л. 24 об., 39 об.

¹⁸ Там же. – Л. 6.

¹⁹ Там же. – Л. 39 об.

монастырских, дворцовых. Те, кого иногда называют игриво «джентльменами удачи», были прежде всего грабителями и убийцами.

Первой акцией шайки С. Кропоткина стало разорение в конце апреля 1702 г. села Якушино Бежецкого уезда, причём пострадала не только помещица – вдова Игнатия Склятина, но и её крестьяне. После этого разбойники отправились на север – в Устюжский-Железопольский уезд, где «розбили... и разорили» село Ёлкино князя И. М. Юсупова-Черкасского. Отсюда они повернули на запад, в Новгородский уезд, и там «в трёх ахонских погостех» разграбили около десятка частновладельческих и дворцовых селений, причём

«розбили жь дву попов с причетники, а в том числе один погост выжгли, да панамарёва сына закололи копьём и, вспоров груди и утробу, вынесли из нево сало...»²⁰

Вернувшись на бежецкие земли, С. Кропоткин «с товарищи» развернулись ещё более широко. Уже к середине мая они «розбили ж и разорили и разграбили село Черемесь: дома вдовы Оксиньи Михайловские жены да вдовы Катерины Яковлевские жены Милюковых, и людей их, и крестьян. и самих их жгли и мучили. Да князь Алексея жь князь Юрьева сына Мещерского в селце Погорелках крестьян ево, да князь Петра князь Фёдорова сына Хилкова деревню Бориса и Глеба разбили жь и разграбили, и дву человек крестьян ево, князь Петровых, да крестьянку сожгли и замучили до смерти. И около той деревни многие дворянские дома и иных чинов жилецких людей розбили ж и разграбили»²¹.

Вот ещё свидетельство о деяниях налётчиков: «А в тех вышеписанных домех те воры и разбойники всякие пожитки и денги пограбили без остатку, а платце плохое и всякую домовую рухледь и посуду, чего они с собою не взяли, и то всё на огне пожгли, и изрубили, и изломали. А розбиваючи, во многих селех дневали, и стояли по суткам и болши, и впредь похвалялись собратца болши того многолюдством и досталные в тех местех сёлы и деревни разорить без остатку»²².

Действия и похвальба «лихих людей» нагоняли страх не только на местных феодалов и их представителей, но также на простых людей: «И Бежецкого де уезду помещики, и люди их, и монастырских вотчин прикащики, и крестьяня з жёнами и з детми живут по лесам, и многие, покиня дома свои, выезжают в города от такова великого разорения и надругателства»²³.

Положение слегка улучшилось в конце апреля – середине мая 1702 г. С. Кропоткин узнал, что другой «воровской атаман» – Григорий Горе, который действовал в Угличском уезде, схвачен «сыщиком» (чиновником, уполномоченным для борьбы с разбойниками) Иваном Сумароковым и вместе с некоторыми своими соратниками, ожидая отправки в Вологду, содержится в селе Чамерове, административном центре «дворцовых карелских волостей». Шайка С. Кропоткина отправилась в Угличский уезд.

В начале мая И. Сумароков сообщал угличскому воеводе: «А воры де и разбойники атаман Стёпка Чекмарь с товарищи... ходят разбоем з знамёны в Чамеровском присуде около Чамерова села в ближних местех, верстах в десяти и менши, и многие де сёла и деревни, и в селех церкви божию пожигают, и многих людей до смерти побьют и жгут. А ево, Ивана Суморокова, убить и село Чамерово

²⁰ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 2–2 об.

²¹ Там же. – Л. 3.

²² Там же. – Л. 3–3 об.

²³ Там же. – Л. 6 об.

[с. 6]

выжеч и людей вырубить хотят... А ныне де они, воры и разбойники, хотят быть в село Чамерово и воров разпустит»²⁴.

Но освободить попавших в тюрьму «коллег» бежецкие разбойники не сумели. Во-первых, Г. Горе уже был отправлен в Вологду. Во-вторых, И. Сумароков во главе отряда «погонщиков» дважды вступал в бой с ватагой С. Кропоткина. И хотя «на тех боях они, воры, многих погонщиков побили, для того что у погонщиков ружья нет», всё же пришельцы были вынуждены уйти обратно в Бежецкий уезд²⁵.

Дело в том, что разбойники потеряли 20 или даже 30 человек. К такому выводу подводит известие, что на сборе в деревне Иван-гора (около 18 мая) под началом Клопёнка было только «человек с шездесят и болши»²⁶. Впрочем, уже совсем скоро – в конце мая численность его соратников достигла 80 человек²⁷. Очевидно, ряды их пополнили местные крестьяне – такие, как небезызвестный Г. Фёдоров, примкнувший к шайке именно в Иван-

горе.

Похождения шайки С. Кропоткина во второй половине мая 1702 г. Г. Фёдоров описывал впоследствии так: «И из деревни де Иван-горы пришли они, воры и разбойники... в Бежецкой уезд в вотчину Троецкого Сергиева монастыря в село Молоково, и в том де селе Молокове имали хлеб и всякия харчи. А ис села де Молокова пошли они, Гришка с товарищи, тое жь вотчины в деревню Савачево да в деревню Перевертку и в тех деревнях крестьян жгли и девок и жёнок блудили. И ис тех де деревень Савачева и Перевертки пришли они... в вотчину Ивана да Семёна Змеевых в село Деледино и в том селе Деледине у попа обедали. И ис того села Деледина они... пришли в вотчину адмиралтейца Фёдора Матвеевича Опраксина села Кесмы в деревню Елцыно и в той деревне жгли корелянина Гарасима прозвище Щербака, а выжгли денег у него, Гарасима, два рубли. А из деревни де Елцына пришли они... тое жь вотчины в деревню Хвастово и в той де деревне корелянина Тимофея жгли... и разбоем взяли у него, Тимофея, денег пять рублёв. И из... деревни Хвастова пришли они... в... село Кесму и в том де селе Кесме приказного человека Михаила Мелницкого дом ево разорили и пограбили, а посуду де и платье перерубили и покололи. Ис села де Кесмы пришли они, воры Гришка с товарищи, в Бежецкой же уезд в вотчину Симонова монастыря в село Чернецкое и то де село... и деревню Романцово они... выжгли. И ис села Чернецкого пришли они... дворцовой Пятницкой волости в деревню Мякишово, и из деревни де Мякишовой он, Гришка, от них, разбойников, ушёл»²⁸.

Надо сказать, что время от времени разбойники давали себе передышку. Тот же Г. Фёдоров на допросе показал, что шайка двое суток стояла в упоминавшемся ранее селе Васюткино. Там жил уже известный нам «становщик» Ф. Фёдоров, которому атаман дал на хранение кое-что из «воровской разбойной рухляди»²⁹.

По незнанию, нежеланию откровенничать или забывчивости Г. Фёдоров на допросе не сказал о том, что шайка отметилась ещё в четырёх местах Бежецкого уезда: «воровские люди» занимались разбоем в карельской деревне Глазачово (Глазачёво) «государевой новоотписной Орловской волости»³⁰; пытались

²⁴ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 8 об. – 9.

²⁵ Там же. – Л. 9.

²⁶ Там же. – Л. 23 об.

²⁷ Там же. – Л. 24 об.

²⁸ Там же. – Л. 23 об. – 24.

²⁹ Там же. – Л. 23–23 об.

³⁰ Там же. – Л. 39.

[с. 7]

поживиться в русско-карельской деревне Волково, принадлежавшей А. Яхонтову³¹; разграбили многолюдное село Хабощкое, входившее в вотчину Знаменского монастыря³²; «розбили де и жгли ... вотчины Фёдора Матвеевича Опраксина деревни Хрепцова крестьянина Ивана прозвище Бурой и взяли де у него денег двадцать рублёв»³³.

Кроме того, Г. Фёдоров не объяснил, почему он покинул шайку. Между тем и упомянутый ранее М. Константинов ушёл от разбойников тогда, когда те были в деревне Мякишево, т. е. примерно 31 мая – 1 июня 1702 г.³⁴ Чем же было вызвано их решение?

О раскаянии говорить не приходится. Всё объясняется, видимо, тем, что в указанное выше время к деревне Мякишево подошёл соединённый отряд «сыщика» И. Сумарокова и бежецкого воеводы Никиты Титова, «и с теми де ворами был у них бой, и те де воры ево, Микиту, и сыщика, и которые с ними уездные люди были, побить хотели до смерти, а иных порубили и перестреляли до смерти»³⁵.

Хотя шайку полностью уничтожить не удалось, победа, очевидно, была всё же на стороне

правительственных войск. Это можно заключить по тому, что в июне разбои прекратились. Какое-то время разбойники стояли в деревне Чернятино дворцовой Пятницкой волости³⁶. Вероятно, там был их последний «стан», где они собирались с силами. Намереваясь продолжить свою преступную деятельность, «воры» планировали «Бежецкой город и уезд и в селе Чамерове людей порубить и выжечь... всех без остатку»³⁷. Но осуществить задуманное им уже не довелось.

С конца июня 1702 г. шайка Чекмаря стала распадаться: многие вчерашние крестьяне предпочли вернуться к прежней жизни. Некоторые отправлялись по домам, а некоторые прятались у дальних родственников или знакомых³⁸. Дело в том, что из Москвы в Бежецк прибыл специальный отряд для борьбы с разбойниками – 50 солдат под начальством капитана Преображенского полка Михаила Лисогорского³⁹.

Капитан сразу начал опрашивать местных жителей о местонахождении «воровских людей» и их «поноровщиков», а также о расположении разбойничьих «станов». Поначалу ему ничего не сообщали – обыватели боялись⁴⁰. Но затем крестьяне осмелели и стали помогать в сыске разбойников.

Надо сказать, что сыск этот уже не напоминал боевые походы. М. Лисогорский допросил первую партию схваченных разбойников и, получив необходимые сведения, отправил по конкретным адресам, говоря современным языком, «группы захвата». Допросив новую партию арестованных, он вновь отправил солдат, дав им чёткие инструкции насчёт того, кого и где они должны

³¹ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 39 об.

³² Там же. – Л. 3.

³³ Там же. – Л. 24 об. – 25.

³⁴ Там же. – Л. 24 об.

³⁵ Там же. – Л. 6 об.

³⁶ Там же. – Л. 24 об.

³⁷ Там же. – Л. 7.

³⁸ Там же. – Л. 29 об., 39 об.

³⁹ Там же. – Л. 17, 21.

⁴⁰ Там же. – Л. 21 об. – 22.

схватить. Подобное повторялось несколько раз⁴¹.

Настроение местных жителей изменилось благодаря усилиям не только М. Лисогорского, но и капитана Преображенского полка Ариста Михельсона. Хотя тот со своим отрядом действовал прежде всего в Устюжском-Железопольском уезде, но и на Бежецкую землю «посылал солдат для поимки воров и разбойников безпрестанно»⁴².

В июле – августе 1702 г. лишь один М. Лисогорский схватил 11 разбойников и «становщиков»⁴³. Причём двое разбойников (В. Тимофеев и Ф. Радёнок) были арестованы благодаря «изветам» крестьян-карелов Гаврилы Никифорова (из дворцовой деревни Глазачёво) и Павла Аксёнова (из деревни Волково, принадлежавшей А. Яхонтову), а одного разбойника (белозерца А. Фёдорова) Матвей Фёдоров, житель карельской деревни Иванихи дворцовой Сандовской волости, самостоятельно «поимал в лесу», хотя тот был вооружён рогатиной⁴⁴.

В конце августа отряд М. Лисогорского отправился обратно в Москву, а сыском оставшихся «воров» (заметим, что С. Кропоткин пойман ещё не был) стал заниматься А. Михельсон⁴⁵. К сожалению, о результатах его деятельности источники не сообщают, но всё же можно полагать, что к концу 1702 г. шайка Чекмаря была уничтожена. Кое-кто из её членов, быть может, и сумел скрыться, но большинство, скорее всего, попали в руки властей.

Правда, это был временный успех государства. Ему оказалось не под силу навсегда установить порядок и тишину на Бежецкой земле. Здесь, равно как и в других местах Верхневолжья, разбойники давали о себе знать и позже – даже в XX в.

⁴¹ РГАДА. – Ф. 371. – Оп. 1. – Ч. 3. – Д. 14276. – Л. 23–25, 31 об. – 32, 38–40.

⁴² Там же. – Л. 21 об.

⁴³ Там же. – Л. 40 об.

⁴⁴ Там же. – Л. 32, 39–40.

⁴⁵ Там же. – Л. 31 об., 40 об.